

оноре де Тамзак

КРЕСТЬЯНЕ

ACADEMIA

38-3
9421

Бальзак считал «Крестьян» «самой значительной» из всех задуманных им книг. В этом романе, законченном в 1844 г., великий реалист вводит читателя непосредственно в гущу борьбы крупного, дворянского землевладения, кулацкой и ростовщической сельской буржуазии и крестьянства во Франции в эпоху Реставрации. Писатель глубоко и правдиво показал не только поражение аристократии и распад крупного землевладения, но и неизбежность победы буржуазии.

Цена Р. 10.00

35-3
932

ОНОРЕ БАЛЬЗАК

КРЕСТЬЯНЕ

Вступительная статья
Георга Лукача

Примечания Г. О. Гордона

АКАДЕМІА
1935

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Под общей редакцией
А. М. ЭФРОСА

ОНОРЕ БАЛЬЗАК

(1799—1850)

СОЧИНЕНИЯ

Б
с
ва
ром
вел
неп
кру
вла
чес
кре
ху
бон
тол
и
ни
бу

АКАДЕМИА
Москва—Ленинград

Honoré Balzac

LES PAYSANS

Супер-обложка, переплет,
заставка и концовка
Д. Б. Дарана

Ба
«сам
заду
ром
вел
неп
кру
влад
чест
кре
ху
бо
тол
и
ни
бу

Бальзак („Крестьяне“)

В этом наиболее значительном романе поздней эпохи своего творчества Бальзак описал трагедию умирающего крупного аристократического землевладения. Роман является заключительным в том ряду произведений, в котором Бальзак рисует уничтожение аристократической культуры Франции нарастающим капитализмом. „Крестьяне“, действительно, завершают этот ряд, потому что здесь изображаются непосредственные экономические основы гибели аристократии. Раньше Бальзак давал картину умирающей аристократии в Париже или в отдаленных провинциальных городах. Здесь он ведет нас на самое поле экономической войны — на поле битвы между крупным аристократическим землевладением и крестьянством.

Бальзак рассматривал эту книгу как одно из своих решающих произведений. Он говорит: „В течение восьми лет я сотни раз откладывал в сторону и сотни раз принимался снова за эту книгу, важнейшую из всех, которые я решил написать“... Однако, несмотря на эту необыкновенно тщательную подготовку, несмотря на основательнейшее изложение основной концепции, Баль-

зак в этом романе изобразил фактически нечто диаметрально противоположное тому, что намеревался сделать: он написал трагедию мелкого крестьянского земельного участка. Однако без этого противоречия между концепцией и изображением, между Бальзаком-мыслителем и Бальзаком-поэтом „Человеческой комедии“ не было бы и величия Бальзака, того величия, которое Энгельс прекрасно истолковал в своем письме к Маргарите Гаркнес.

Идеологическая подготовка этого романа заходит у Бальзака далеко за пределы указанных им самим непосредственных предварительных этюдов. Уже в ранней юности Бальзак выступил в одной брошюре против дробления крупной земельной собственности и за сохранение майората. И задолго до окончания работы над „Крестьянами“ (1844) он в двух утопических романах („Деревенский врач“, 1833, „Сельский священник“, 1839) попытался выразить свои взгляды на общественную функцию крупного землевладения и общественные обязанности крупных землевладельцев. Вслед за этими утопиями Бальзак пишет роман „Крестьяне“, в котором мы видим крушение утопических представлений пред лицом экономической реальности.

Величие Бальзака состоит именно в этой беспощадной самокритике своих позарений, излюбленных желаний и глубочайших убеждений, самокритике, выражающейся в неумолимо правдивом описании действительности. Если бы Бальзаку удалось обмануть себя своими шаткими утопическими мечтаниями, если бы он изобразил в качестве действительности то, что было для него только желанием, то в наши дни он не интересовал бы ни одного человека и был бы с полным правом забыт, так же как бесчисленные легитимистские панегирики, которых было много в этот период. Ко-

нечно, Бальзак как мыслитель и политик никогда не был ординарным, лишенным мыслей легитимистом. Его утопия отнюдь не является требованием возврата в в какой бы то ни было форме к феодальному средневековью: наоборот, она стремится перевести французское капиталистическое развитие, особенно в области сельского хозяйства, на английские пути. Его общественный идеал — это тот классовый компромисс между крупным землевладением и капитализмом, который в Англии в 1668 г. нашел свое осуществление в „славной революции“ и который впоследствии сделался основой и особенностью английского развития. Если, например, Бальзак в своей статье о задачах роялистской партии после июльской революции (статья была написана в 1840 г., следовательно во время подготовки нашего романа) резко критикует французскую аристократию, то делает это с точки зрения идеализации английской консервативной аристократии, ториев. Он упрекает французских аристократов за то, что в 1789 г., вместо того чтобы спасти монархию и непрерывность ее развития мудрыми реформами, они ковали „маленькие интриги против великой революции“; он упрекает их и за современное поведение, за то, что они даже и после уроков революции не стали ториеми, не ввели самоуправления по английскому образцу, не повели за собою крестьянства. Потому-то между аристократией и крестьянской массой нет никакой связи, никакой общности интересов. Потому и революция могла победить в Париже, „так как, — говорит Бальзак, — чтобы схватиться за ружье, как это сделали парижские рабочие, нужно почувствовать угрозу собственным интересам“.

Это утопическое перенесение законов буржуазного развития Англии на Францию никоим образом не

является изолированным частным мнением Бальзака. Непосредственно после революции 1848 г. знаменитый политик и историк Гизо выпустил в свет брошюру такого же направления, утопический характер которой уничтожающе раскритиковал Маркс. Маркс насмехается над „великой загадкой“ господина Гизо, которую „он в состоянии объяснить только особенной рассудительностью англичан“. В дальнейшем Маркс сам расшифровывает загадку различия в развитии буржуазной революции в Англии и Франции: „Этот связанный с буржуазией класс крупных землевладельцев... находился, в отличие от французского феодального землевладения 1789 г., не в противоречии, а наоборот в полном согласии с условиями существования буржуазии. Дело в том, что земельные владения представляли не феодальную, а буржуазную собственность. Эти землевладельцы, с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки, а с другой — были в состоянии дать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли. Этим объясняется общность их интересов с интересами буржуазии, этим объясняется и союз обоих классов“ (Маркс, рецензия на брошюру Гизо, т. VIII, стр. 275).

„Английская“ утопия Бальзака основывается на иллюзии о возможности „укрощения“ капитализма и вызванных им классовых противоречий с помощью традиционного и, в то же время, прогрессивного руководства. Это руководство, по мнению Бальзака, могут осуществлять только королевская власть и церковь. Английское аристократическое крупное землевладение является, однако, важнейшим посредствующим звеном в такой системе. Бальзак с суровой ясностью видит классовые противоречия капиталистического общества

во Франки. Он видит, что период революции никоим образом не закончился июлем 1830 г. Его утопия, его идеализация английских отношений, его романтические вымышления о какой-то гармонии между крупным землевладением и крестьянами в Англии являются следствием этих пессимистических взглядов на будущее, ожидающее буржуазное общество, реальное движение которого он во всех частностях наблюдает с неподкупным реализмом. Именно потому, что он придерживается взгляда, что последовательное дальнейшее развитие капитализма и, параллельно ему, последовательное развитие демократии должно неотвратимо вести к революциям, благодаря которым буржуазное общество рано или поздно неизбежно падет, — именно потому он ценно держится за уважение к тем историческим лицам, которые сделали попытку задержать этот революционный процесс, ввести его „в упорядоченные рамки“. Бальзаковский культ Наполеона находится, правда, во многих отношениях в противоречии с этой английской утопией, но, несмотря на это, он оказывается необходимым дополнением к историческому мировоззрению Бальзака.

Задача обоих утопических романов — прежде всего доказать экономическое превосходство крупного землевладения над мелким. Бальзак ясно и правдиво усматривает определенные моменты экономического превосходства рационально поставленного крупного землевладения (возможность систематического вложения капиталов, скотоводство в крупном масштабе, рациональное лесоводство, систематическое обводнение и т. д.), но он не видит, — он не хочет видеть в этих равнинах, — что рациональное ведение крупного сельскохозяйственного производства в рамках капитализма также имеет свои границы. В „Сельском священнике“ он, чтобы доказать на квази-реальном матери-

рименте возможность своей утопии, создает совершенно искусственные, нетипические условия. Такое искривление существенных определений экономической действительности встречается у Бальзака чрезвычайно редко. И то, что утопическое изображение действительности у него постоянно связано с вопросом о землевладении, показывает, что именно в этом он усматривает проблему бытия или небытия культуры. Ибо вопрос о крупном землевладении является для Бальзака не только вопросом социальных отношений, в тесном смысле слова, но в то же время вопросом культуры или некультурности. С одной стороны, Бальзак испытывает ужас перед разрушительным для культуры действием массовых революционных движений (в этом вопросе он соприкасается с такими же мрачными галлюцинациями политически радикального Генриха Гейне), а с другой стороны, разоблачение глубокой некультурности капитализма оказывается существенным моментом в его описании современной ему Франции. В путях этих противоречий Бальзак вынужден идеализировать прошлую аристократическую культуру. „Его великое творение, — говорит Энгельс, — сплошная элегия по поводу невозвратной гибели хорошего общества“. Но там, где он как мыслитель и политик ищет все же выхода, он ищет его именно в спасении крупного землевладения как основы тех широких материальных возможностей, тех спокойных досугов, которые аристократическая культура Франции донесла от средних веков вплоть до великой революции. Стоит прочесть большое вступительное письмо роялистского писателя Эмиля Блонде в „Крестьянах“, чтобы с полной ясностью увидеть эту точку зрения Бальзака.

Теоретическая основа бальзаковской утопии, как мы до сих пор видели, достаточно полна противоречий, и как

бы Бальзак, вопреки своему обыкновению, ни искажая в этих романах действительность до степени нетипического в целях педагогически-пропагандистских, но великий реалист, неподкупный наблюдатель все же всюду выступает на первый план и благодаря этому углубляет и без того имеющиеся противоречия. Бальзак всегда, а в этих произведениях с особенной остротой, подчеркивает, что религия, католицизм, есть единственная идеологическая основа для спасения общества. Но в то же время Бальзак ясно видит, что единственной основой, на которой он может строить что-нибудь, является капитализм со всеми своими последствиями. Промышленность может основываться только на конкуренции, доказывает утопический герой Бальзака, доктор Бениасси („Деревенский врач“), и делает из этого признания капитализма все идеологические выводы: „Мы не обладаем ныне другим средством поддержать общество, кроме эгоизма. Индивидуум верит только самому себе... Великий человек, который спасет нас от великого кораблекрушения, навстречу которому мы стремимся, наверное использует индивидуализм, чтобы заново перестроить нацию“. Но тотчас же после того, как он выставил это положение, он резко противопоставляет веру и интересы. „Однако нынче у нас нет никакой веры — мы знаем только интересы. Если кто-нибудь думает только о себе и верит только в себя, то откуда, по-вашему, буржуа возьмут мужество, тем более, что эта добродетель может быть достигнута только отказом от собственной личности?“

Это непримиримое противоречие, которое столь резко проступает через рупор утопических воззрений Бальзака, проявляется в композиции обоих этих романов. Ведь кто проводит у Бальзака эти утопии? Само по себе еще не было бы удивительно, что

это — особенно рассудительные отдельные личности. Бальзак писал еще в эпоху утопического социализма, и можно было бы простить ему фантастическое представление о каком-нибудь рассудительном миллионере, в духе его старшего современника Фурье. Конечно, решающее различие состоит в том, что социалистическая утопия Фурье возникла в эпоху едва только начинавшегося рабочего движения, в то время как Бальзак сочинял свои утопические рецепты для спасения капитализма в период его бурного поступательного развития. К тому же, Бальзак вынужден был создавать своих миллионеров при помощи поэтической фантазии, и это в высшей степени характерно для противоречивости его утопии. Герои обоих романов, доктор Бенасси и Вероника Граслен („Сельский священник”), — кающиеся грешники. Оба они совершили в жизни великий грех, оба тем самым уничтожили свою индивидуальную жизнь, свое личное счастье; оба считают личную жизнь законченной и смотрят на свою деятельность как на религиозное покаяние; только на такой основе великий реалист Бальзак может представить себе людей, способных и склонных претворить в жизнь его утопию. Уже эти особенности его главных героев являются бессознательной жестокой самокритикой реальности его концепции. Только отрекающийся, только отказывающийся от личного счастья может в капиталистическом обществе самоотверженно и искренно служить общему благу: таково невысказанное содержание утопических романов Бальзака. И это настроение отречения характерно не только для Бальзака, но и для ряда других великих фигур буржуазной литературы первой половины XIX в. И старый Гете тоже рассматривает самоотречение, как великий основанной законом действительности высокоодаренных, благородных, служащих обще-

ству людей. Его последний большой роман „Страни-
ческие годы Вильгельма Мейстера“ носит подзаголовок
„Отрекающиеся“. Бальзак в этой невольной самокри-
тике своих утопических концепций заходит еще дальше.
В „Сельском священнике“ один молодой инженер, по-
мощник Вероники Граслен, рассказывает свои пере-
живания эпохи июльской революции. Он говорит:
„Только под грязной рубашкой встречается еще патри-
отизм; в этом — гибель Франции. Июльская революция —
это добровольное поражение тех, кто по своим именам,
состоянию и таланту принадлежит к верхним десяти
тысячам. Приносящие себя в жертву массы поэтому
победили те богатые интеллектуальные слои, которым
самопожертвование несимпатично“.

Бальзак выдает, следовательно, этим построением
фабулы свое проникнутое отчаянием убеждение в том,
что эти утопии направлены против экономически не-
обходимых инстинктов господствующих классов, что
они не могут сделаться типичными нормами для дей-
ствия этих классов. Неверие в общественную дей-
ствительность его грез отражается во всей композиции
этих романов. Лишенные типичности герои, их лишен-
ный типичности образ жизни очень сильно выдвига-
ются на первый план и во многом прикрывают на-
стоящую цель произведения: описание благ рацио-
нально поставленного крупного землевладения. И самые
описания эти выдают совершенно необычную вообще
для Бальзака быстроту в развитии интриги, наре-
дко быстрое пробегание по деталям, вырывание от-
дельных, лишенных типичности эпизодов для освещения
целого. Одним словом, Бальзак описывает здесь не
общественный процесс, не общественное взаимодействие
между крупными землевладельцами, крестьянами и сель-
скохозяйственными рабочими, но даст почти этого

технологическое описание великих преимуществ его хозяйственной концепции. Однако эти преимущества проявляются здесь — опять-таки совершенно вопреки обычным поэтическим привычкам Бальзака — в безвоздушном пространстве. Сельское население вообще не описывается. Мы слышим о всеобщей нужде перед началом экспериментов и слышим затем о всеобщем благосостоянии и всеобщем довольстве после их проведения. Точно так же коммерческий успех предприятий предполагается само собой разумеющимся и описывается как результат.

Это отклонение Бальзака от его обычного творческого метода показывает, как мало у него самого было внутреннего доверия к этим своим утопиям, хотя он и вне своих произведений последовательно отстаивает их в течение всей жизни. Только в „Крестьянах“ Бальзак, после долгих подготовительных работ, переходит к описанию живого взаимоотношения классов в деревне. В этом романе изображается уже само сельское население в своей богатой типичности, изображается не как абстрактный пассивный объект утопических экспериментов, но как деятельный и страдающий герой романа. Поскольку Бальзак подходит к этой проблеме на высшей точке творческой зрелости со своим, исконно ему принадлежащим творческим методом, постольку он, в качестве поэта, дает уничтожающую критику тех концепций, которые, в качестве мыслителя и политика, он отстаивал всю свою жизнь. Дело в том, что и здесь Бальзак упорно стоит на точке зрения защиты крупного землевладения. Эг, крупное аристократическое имение графа Монкорне, в главах Бальзака, является концентрацией вековой культуры, по его воззрениям, единственно возможной. Борьба за то, быть или не быть этому „базису куль-

туры", составляет центральный пункт действия романа. Действие это заканчивается полным поражением крупного имени с раздроблением его на маленькие крестьянские участки, заканчивается как этап той революции, которая началась в 1789 г. и — в перспективе Бальзака — кончится гибелью культуры. Эта перспектива создаст пессимистический основной тон всего романа. Бальзак хотел написать здесь трагедию крупного аристократического землевладения и, вместе с ней, трагедию культуры. С глубокой меланхолией описывает Бальзак в конце романа, как разрушен был старый замок, как исчез парк и как остался от времен прежнего величия только один маленький павильон. Это здание „господствовало над ландшафтом, или, лучше сказать, над мелким хозяйством, которое пришло на смену ландшафту. Оно казалось замком: до того жалки были окружающие его, повсюду разбросанные домишки, выстроенные так, как строят именно крестьяне". Но поэтическая честность реалиста Бальзака находит себе выражение и в этой заключительной элгии. Правда, он говорит с аристократической ненавистью: „Страна походила на выкройку портного". Однако сейчас же прибавляет: „Крестьянин завоедал землю как победитель и завоеватель. Она была уже разделена больше чем на тысячу мелких участков, и население между Коншом и Бланви устроилось".

Бальзак приступает к изображению этой трагедии крупного аристократического имени со всем богатством своего творческого метода. Хотя страдающих от недостатка земли крестьян он изображает с величайшей политической ненавистью как „Робеспьера с одной голеной и двадцатью миллионами рук", но как писатель рассказывает он природу и величественному в „облаках"

Б
«са
ва
ром
вел
не
кру
ва
чес
кри
ху
бо
то
и
ни
бу

цему правильные пропорции изображению борющихся за и против крупного землевладения сил. Он в самом романе ясно излагает программу этой справедливости истинного художника: «...рассказчик никогда не должен забывать, что его обязанностью является воздать каждому по заслугам, бедный и богатый равны перед писателем; в его глазах крестьянин велик своими бедствиями, как и богач смешон своею мелочностью; наконец, в распоряжении богача — страсти, у крестьянина же одни лишь нужды; следовательно, крестьянин вдвойне беден; а если, ввиду политических соображений, его вожделения должны быть беспощадно подавлены, то, рассуждая по человечеству и религии, он — свят».

Богатство и правильность изображения Бальзака проявляются также и в том, что он с самого начала рисует борьбу, развертывающуюся из-за аристократического крупного имения, не просто как борьбу между помещиком и крестьянами, но как борьбу между тремя с самого начала борющимися друг против друга лагерями: наряду с помещиком и крестьянином выступает лагерь деревенских и мелкобуржуазных представителей ростовщического капитала. Все три лагеря представлены во всем богатстве различных принадлежащих к ним типов, которые поддерживают свою борьбу экономическими, идеологическими, государственными и т. п. средствами. Круг помещика-аристократа Монкорне распространяется на парижские министерства, на местные префектуры, на высшие судебные сферы; он, разумеется, обладает поддержкой вооруженной силы, идеологической поддержкой церкви (аббат Брошет) и роялистской публицистики (Блонде).

Еще богаче и разнообразнее изображает Бальзак лагерь ростовщического капитала. С одной стороны,

он показывает деревенского кулака-ростовщика, грабящего крестьян с помощью мелких ссуд и ставящего их на всю жизнь в зависимость от себя (Ригу), с другой стороны — состоящего с ним в союзе мелко-буржуазного торговца дровами, бывшего управляющего имением Эг (Гобертен). Около обеих этих фигур Бальзак с великолепной изобретательностью группирует целую систему провинциальной семейной коррупции. Гобертен и Ригу держат в своих руках все низовую администрацию, всю провинциальную финансовую жизнь. Удачными браками между своими сыновьями, дочерьми и родственниками, удачным размещением на разных должностях своих приверженцев, они ткут сеть отношений, с помощью которых могут добиться всего у администрации, а также завладевают всем рынком провинции. Монкорне, например, в окружении этой кланки не в состоянии продавать дрова из своих лесов. Могущество этой родственной банды таково, что когда Монкорне прогоняет Гобертена с места управляющего за его плутни, то ему подсовывают другого управляющего из той же кланки, шпиона и агента Гобертена — Ригу. Материальный базис этой банды составляет грабеж крестьян с помощью закладных, с помощью господства над рынком, с помощью мелких ростовщических ссуд, с помощью маленьких услуг в административном отношении (освобождение от военной службы) и т. д. И это могущество настолько велико, что Гобертен — Ригу со спокойной душой плетут на высшем, но отдаленном правительственном уровне Монкорне. „Ну, что касается министра юстиции, — говорит Ригу, — то они часто меняются, а мы-то здесь всегда остаемся“. Из двух борющихся друг с другом эксплуататорских кланов, ростовщическая провинциальная родственная банда оказывается на поле битвы более силь-

ной. Бальзак до глубины души возмущается этим фактом, но, как и всегда, с величайшей реалистичностью описывает действительное соотношение сил.

Третий лагерь — крестьянский — ведет борьбу против обеих групп эксплуататоров. Мечтой политика Бальзака было бы как раз устроить союз между помещиками и крестьянами против ростовщического капитала. Однако здесь он вынужден конкретно и с большой реалистической силой изобразить, как крестьянам приходится идти против крупного землевладения по одному пути с их эксплуататорами-ростовщиками, несмотря на глубокую ненависть к последним. Борьба крестьян против пережитков феодальной эксплуатации, их борьба за кусок собственной земли, за собственный мелкий участок, делает их придатками, подручными ростовщического капитала. Трагедия умирающего крупного аристократического землевладения превращается в трагедию мелкого землевладения.

Этот треугольник, в котором каждая сторона борется с обеими другими, составляет основу композиции Бальзака. И необходимость этой двойной борьбы всех трех групп, при экономически неизбежном преобладании каждый раз какой-нибудь одной из них, и создает такое богатство и разнообразие этой композиции. Действие разыгрывается то тут, то там, то в дворянском замке, то в крестьянском избачке, то в кулацком доме, то в кафе мелкого городка и т. д. Но как раз эта беспокойная и скачущая перемена сцен и действующих лиц оказывается базисом для богатого и точного изображения основных факторов классовой борьбы во французской деревне. Лицо Бальзака стоит безусловно на стороне дворянства. Но художник Бальзак предоставляет возможность всем группам беспрепятственно и в полной мере раскрывать их силы.

Он изображает, во всех ее разветвлениях, роковую зависимость крестьян от Ригу — Гобертена и К-о, описывает ростовщический капитал как смертельного врага культуры и человечества, и, хотя его ненависть вытекает из ложного источника и политически ложно обоснована, хотя она насыщена предрассудками дворянской партии, все же поэтически Бальзак выражает трагедию крестьянского мелкого землевладения 40-х годов.

По мнению Бальзака, все эти невзгоды причинила революция 1789 г.: и раздробление крупных имений на мелкие участки, и рост могущества капитала, который Бальзак рассматривает как ростовщический, что вполне правильно для того периода во Франции. Возникновение буржуазных состояний в бурях французской революции путем присвоения национальных имуществ, из спекуляций с обесцененными деньгами, из ростовщического использования недостатка товаров, из использования голода, из более или менее мошеннических военных поставок и т. д. — является у Бальзака центральной проблемой в истории французского общества. Вспомним, например, историю возникновения богатства Горю, Руже („Дом холостяка“), Нюси-жена. И в „Крестьянах“ также центральные фигуры — ростовщик-кулак Ригу и мелкобуржуазный купец Гобертен — приобрели свое большое состояние, используя возможности, предоставлявшиеся им в период революции и Наполеона. Особенно в истории возникновения богатства Гобертена Бальзак с большой тонкостью рисует, как старомодный обман помещика-аристократа его капиталистическим управляющим перерастает в новые формы жульнической и ростовщической спекуляции, как из сколачивающего себе состояние недобросовестного и пресмыкающегося слуги дворянства возникает самостоятельный и побеждающий это дворян-

ство спекулянт. Бальзак с горькой иронией, но именно потому с большой жизненной правдивостью, описывает продажность и псевдокультурность этого нового слоя богачей. Но в то же время он описывает с большой любовью к правде те реальные экономические и общественные моменты, которые делают неизбежной победу этой группы над группой Монкорне. Как и всегда, у Бальзака изображается не только поражение дворянства, но, в то же время, и неизбежность этого поражения. Борьба идет здесь за то, сможет ли Монкорне сохранить свое имение, или же удастся широко поставленная Гобертен — Ригу спекуляция с раздроблением имения на мелкие участки. Неизбежность победы последних основывается на том, что аристократия стремится только к тому, чтобы сохранить свою ренту, повысить ее, спокойно ею пользоваться, в то время как у буржуазии происходит бурное накопление капиталов. Конечно, экономическую основу, этого накопления составляет ростовщическое ограбление крестьян: растущая задолженность уже существующих мелких участков (Ригу вложил 150 тысяч франков в такие закладные), спекуляция на предстоящей эксплуатации мелких участков имения Монкорне, необходимое ростовщическое повышение цен на мелкие участки, благодаря чему мелкие крестьяне с самого начала выдаются с головою ростовщику на породе Ригу — Гобертемов.

Таким образом крестьяне находятся между двух огней. Политику Бальзаку хотелось бы представить эту борьбу так, что крестьяне соблазняются демагогией и интригами группы Гобертен — Ригу, их к этой борьбе подстрекали «дурные элементы» из их среды (Тонсар, Фуршон). Но на самом деле Бальзак показывает всю диалектику необходимой зависимости крестьян от

кулацко-мелкобуржуазного ростовщического капитала, показывает, как крестьяне, несмотря на то, что они ощущают свою противоположность ростовщикам и ненавидят их, экономической необходимостью вынуждены обслуживать последних. Бальзак описывает, например, крестьянина, который „с помощью“ Ригу приобрел мелкий земельный участок: „Действительно, покупая участок Башельри, Курткюис желал превратиться в буржуа, он хвастал этим. А теперь его жена собирает навоз! Она и сам Курткюис вставали на рассвете, прилежно перекапывали свой хорошо унавоженный огород, сиимали по несколько урожаев в год, но всего их дохода хватало только на уплату процентов Ригу... Старик удобрил три арпана земли, проданные ему Ригу; сад, прилегающий к дому, начал уже приносить плоды; а теперь он приходил в ужас при мысли, что его могут выселить... Эта грызущая забота придавала этому маленькому толстяку, лицо которого прежде сияло таким весельем, тупой и мрачный вид, делавший его похожим на больного, разъедаемого отравой или хронической болезнью“. Эта зависимость от ростовщика, экономическую основу которой образует именно „самостоятельность“ мелкого земельного участка, желание безземельного крестьянина сделаться собственником, сделаться „буржуа“, проявляется также в целом ряде даровых работ, которые крестьяне вынуждены выполнять для своих эксплуататоров. Бальзак, как говорит Маркс, „метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев сразу. Он избавляется от

затрат на заработную плату и все больше окутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрее разоряет отвлечением от работ на собственном поле" („Капитал", т. III, стр. 12).

Само собой разумеется, на этой почве возникает глубокая ненависть крестьян к их разорителям. Но эта ненависть бессильна не только вследствие экономической зависимости, но также вследствие земельного голода крестьян, вследствие непосредственно давящей на них эксплуатации, удушающего их крупного землевладения. Поэтому, несмотря на их ненависть к кулацким ростовщикам, они становятся все же их пособниками и союзниками против помещиков. Бальзак описывает очень интересный разговор на эту тему: „Что же вы полагаете, что Эг продадут по частям именно только ради вашего чортова носа? — спросил Фуришон. — Как? Вот уже тридцать лет, что дядя Ригу высасывает у вас мозг из костей, а вы еще не расчухали, что выскочки буржуа хуже господ?.. Крестьянин всегда останется крестьянином! Не замечаете ли вы (впрочем, вы ничего не смыслите в политике!), что правительство потому и наложило такой акциз на вино, чтобы лишить нас последних грошей и удерживать в нищете? Буржуа и правительство — заодно. Ну что бы с нами стало, если бы мы разбогатели? Разве они обрабатывали бы поля? Стали бы они жать? Им нужны бедняки"... — „Все-таки следует держаться вместе с ними, потому что их цель — поделить крупные имения, а после мы возьмемся и за Ригу", — отвечает Тонсар. И при данных французских классовых отношениях Тонсар прав, и его воззрения должны побеждать в действительной жизни.

Конечно, у некоторых отдельных крестьян мелькают революционные мысли: повторение и радикальное

проведение земельного раздела французской революции 1793 г. Сын Тонсара тоже высказывает подобные же революционные воззрения: „Я говорю, что вы играете в руку буржуа. Попугать владельцев Эг, чтобы утвердиться в своих правах,— это я понимаю; но изгнать их из страны и довести до продажи Эг, как хотят буржуа из долины,— это положительно противно нашим интересам. Если вы будете способствовать разделу крупных владений, откуда же возьмутся земли для продажи во время будущей революции? Вы получите тогда земли за бесценок, как получил их Ригу, тогда как при переходе их в руки буржуа они выплунут их вам, без сомнения, истощенными и возродившимися, и вы будете работать на них, точно так же, как и все те, которые работают теперь на Ригу“. Трагичность положения этих крестьян заключается в том, что из революционной буржуазии 1789 г. уже возникло поколение Гобертена — Ригу, но французский пролетариат развился далеко еще не настолько, чтобы революционно выступить, ведя за собой крестьянство. Эта общественная изолированность бунтующего крестьянина отражается в сектантской спутанности его взглядов, в его мнимой радикальной тактике выжидания. Реальное движение экономических сил принудило крестьян в этот период стиснув зубы и с душой, полной ненависти, помогать Ригу обдирать свои делишки. Самые разнообразные политические последствия этого экономического положения делают из Ригу, „которого крестьяне провозгласили за его ростовщические проделки... представителя их политических и финансовых интересов... Для него, как для некоторых парижских банкиров, политический пурпуром популярности покрывает позорные мошенничества“. Он экономический и политический представитель земельного голода крестьян, „хотя он не осмелит-

вается ходить по полям после захода солнца из страха попасть в ловушку или пасть жертвою несчастного случая".

Но трагедия всегда является скрещением двух потребностей, и получение из рук Ригу земельного участка, со всеми его страшными тяготами, все же должно крестьянам казаться лучшим, чем полное отсутствие такого участка и только батрацкая работа в имении Монкорне. Если, с одной стороны, Бальзак попытался внушить себе, что крестьян только "подстрекают" против крупного землевладения, то, с другой стороны, он пытается вбить себе в голову возможность патриархально-„благотельных" отношений между помещиком и крестьянином. Как выглядит действительность в первом случае, мы показали на примере его же собственных художественных образов. Вторую иллюзию он разрушает с немалой немилосердностью. Правда, он упоминает однажды, что графиня Монкорне сделалась „благотельницей" округа, но — у Бальзака это всегда признак нечистой совести и неверия в собственное утверждение — он вовсе не указывает конкретно, в чем состоят эти благодеяния. А в одном разговоре с аббатом Броссетом, в котором последний обращает ее внимание на обязанности богачей по отношению к беднякам, „графиня все же ответила ровным: „Увидим!" богатым, содержащим достаточно обещаний для того, чтобы набавлять людей от необходимости отирать свой кошелек и позволять им впоследствии сидеть сложа руки при виде несчастия, под предлогом, что оно уже совершилось. Этот аббат Броссет, так же как священники в утопических романах Бальзака, придерживается банального Ламенэ „социального христианства" — с той только разницей, что там, где Бальзак не только проповедует, но и

творит образы, безнадёжность этой идеологии доводит даже до сознания поэта. «Неужели шир Балтисара можно оставить свидетелем последних дней правящей касты, сангарики, деспотии? — сказал он себе, отойдя шатов на десять. — Господи! Если воля твоя в том, чтобы выпустить бедноту, как разрушительный поток, дабы преобразить человеческое общество, то я понимаю, почему ты предашь богатых их собственной слепоте!»

Как „Балтодеяния“ помещиков выглядят контрастно, Балзак изображает несколькими примерами. Прежняя владелица имения, знаменитая актриса „золотого времени“, восталаяного Балзакан старого режиса, удам-творила одними просьбу одного крестьянина. „Добрая барышня, привыкшая осчастлиавливать других, подарил ему аркан виноградики перед воротами Балзак, за что он должен был отработать ей сто рабочих дней“. И политик Балзак еще прибавляет: „Мало оцененная деятельность“. Но он тут же и описывает, как „облагодетельствованный“ крестьянин думает об этой деятельности: „Провались я на этом месте, если я его не куплю, и притом за дорогую цену. Дают ли нам буржуа что-либо даром? А что подмишки, по-вашему, пустяки? Это обошлось мне в триста франков, а что тут? Один кашик“. И Балзак резюмирует разговор: „Эта точка зрения отвечала общему убеждению“.

Но Монторик — не обычный аристократ старого строя. Он был наполеоновским генералом и принимал участие во многих раздроблении Европы армией императора. Стало быть, он знает толк в деле вымогательства. Балзак особенно выдвигает это обстоятельство при рассказе о конфликте между Монториком и Гобертисом, конфликте, основанном на взаимном мнении управляющего... Император, в силу особых расчетов, приказал Монторик быть в Понмрани том же.

чем был Гобертен в Эг: генерал приобрел, таким образом, надлежащую опытность в интендантских поставках". И Бальзак не только в этом месте глубоко вскрывает капиталистическую общность между Гобертенем и Монкорне, показывает не только то, что Гобертен и Монкорне представляют лишь две фракции одного и того же капитала, что их борьба — только борьба за раздел выжатой из крестьянина прибавочной ценности, но показывает также и капиталистический характер управления имением у Монкорне. (Особенно глубокая ирония великого реалиста Бальзака заключается в том, что эти насильственные капиталистические мероприятия встречают полное одобрение у аббата Бросета.) Дело идет о борьбе Монкорне против старых „обычных прав бедняков" (Марке), против права собирания валежника в лесу, против права подбирания колосьев после жатвы. Ликвидация этих старых обычных прав — необходимое сопровождение явления капитализации крупного землевладения. За несколько лет до выхода в свет этого романа молодой Марке в „Рейнской газете" ведет ожесточенную борьбу против введения ландтагом Рейнской провинции закона о воровстве валежника, закона, точно так же предназначенного ликвидировать эти старые обычные права. Бальзак в этом вопросе стоит решительно на стороне Монкорне. Он исключает даже (чтобы защитить права Монкорне) те случаи, когда рубят лес накорню или намеренно повреждают деревья. Ясно, однако, что борьба идет не из-за этих превышений древних прав, но из-за самих этих прав. Постановление, что только те крестьяне имеют право собирать колосья после жатвы, которые могут доказать свою нужду удостоверениями властей, и что принимаются все меры, чтобы насколько возможно

собрать этот сбор, — показывает, что напрактиковавшийся в Померании Монкорне питает твердое намерение покончить с этим феодальным пережитком. Крестьяне изгнаны Монкорне находятся, следовательно, в том положении, „которое соединяет всю грубость примитивных общественных форм со всеми мучениями и со всей нищетой цивилизованных стран“ (Маркс); они доведены до отчаяния, и это отчаяние прорывается в террористических актах, которые приводят к победе спекуляции мелкими участками, которою занимается Ригу.

Тем самым Бальзак в процессе своего творчества мастерски обрисовывает очертания трагедии мелкого участка. Он художественно изображает то, что Маркс теоретически устанавливает в „18 Брюмера“, как сущность развития мелкого землевладения после французской революции: „Но в течение XIX столетия место феодала занял городской ростовщик, место тяготеющих на земле феодальных повинностей заняли ипотеки, место аристократической поземельной собственности занял буржуазный капитал“. А позднее Энгельс конкретизирует это повсеместное трагическое положение крестьян во время борьбы за капиталистический общественный строй и во время развития этого последнего. Он говорит: „Городская буржуазия дала ему первый толчок, а среднее крестьянство (помещик) славянских округов отвоевали победу. Довольно странный факт: во всех трех великих буржуазных революциях крестьяне доставляют боевую армию, и они же являются тем именно классом, который после одержанной победы неизбежно разоряется вследствие экономических результатов этой победы. Сто лет спустя после Кроуэлла английские помещики почти исчезли“ („Об историческом материализме“).

Разумеется, у аристократического реалиста Бальзака не может быть правильного представления об этом процессе. Однако некоторые из его героев обладают смутным и неясным чувством, в котором отражается та же самая фактическая действительность, тот же самый процесс развития крестьянства, хотя бы и в такой запутанной форме. Старик Фуршон говорит: „Я видел старые времена и вижу новые, милейший мой ученый барин... Вывеска другая, это правда, но вино — все то же! Сегодняшний день — только младший брат вчерашнего. Да! Напишите-ка об этом в ваших газетах! (Он разговаривает с журналистом Блонде. — Г. А.) Разве мы раскрепощены? Мы попрежнему приписаны к тем же селениям, и барин для нас попрежнему существует: называется он — труд! Кирка остается попрежнему единственной нашей кормилицей. На барина ли работать или на налоги, которые все лучшее у нас отбирают, — все одно, жизнь проходит в поте лица“...

Мы уже познакомились с идеализированной Бальзаком торийской утопией, с помощью которой, думает он, возможно избежать пагубных последствий французской революции. В качестве художника, изображавшего историю развития французского общества 1789—1848 гг., он заглядывает значительно глубже. Он неоднократно показывает как неизбежность французской революции, так и неизбежность общего капитализирования Франции на основе этого развития. Так, например, аббат Бросет говорит в этом романе: „Если взглянуть с исторической точки зрения на этот вопрос, то увидим, что крестьяне переживают еще и теперь поземельно после Жакерии. Ее неудача глубоко запала им в душу. Они позабыли самый факт; он перешел в разряд „инстинктивных идей“. Идея эта живет теперь в крови

Французского крестьянина, как некогда идея превосходства жила в крови у дворянства. Революция 1789 г. явилась как бы отместкой побежденных. Крестьянство стало на землю твердой ногой собственника, что воспрещалось ему феодальным правом двенадцать веков подряд. Отсюда — любовь крестьян к земле. Этим же объясняется дробление крестьянских участков и переделы, при которых чуть-что не режут одну борозду на две части"... И Бальзак довольно ясно видит, что еще не поколебленная в его время и даже все еще продолжавшая расти среди крестьянских масс популярность Наполеона покоится на том, что Наполеон был завершителем и поручителем за раздел земли, произведенный французской революцией. Аббат Бросет так продолжает свои рассуждения: „В глазах народа Наполеон, сросшийся с народом крепкими узами миллиона солдат, все еще является королем, вышедшим из революции, человеком, который гарантировал народу владение национальными имуществами. Его коронация была одушевлена этой идеей". А в утопическом романе „Деревенский врач", может быть, единственной жизненной сценой является та, в которой Бальзак выявляет глубокую преданность крестьян, бывших некогда солдатами Наполеона. Дело в том, что политические идеи Наполеона, которые так жалко породировала позднее Вторая империя, суть „идеи неразвитой, дышащей молодостью парцеллы" (Маркс).

Но взгляды Бальзака, творящего историю образов, выходят за пределы этого понимания наполеоновского периода. Несмотря на свое роялистическое отвращение к французской революции, он все время видит высокий человеческий и моральный подъем, который эта революция вызвала во французском обществе. Уже в его юношеском романе „Шуаны" бросается в глаза, каким

прекрасным человеческим величием и прекрасным героизмом наделяет Бальзак своих республиканских офицеров; да и впоследствии нет почти ни одного романа Бальзака, в котором как раз представитель республиканских воззрений не был бы совокупностью моральной пристойности, человеческой чистоты и твердости (вспомним Пиллеро в „Цезаре Биротто“). Это изображение честного и героического республиканца достигает вершины в фигуре Мишеля Кретьена, одного из героев, павших при монастыре Сен-Мери. И очень характерно, что именно этот свой образ Бальзак ощущал как недостаточный, как несоответствующий величию оригинала. В своей критике „Пармского монастыря“ Стендаля он хвалит Стендалевскую революционно-республиканскую фигуру Палла Ферранте в чрезвычайно теплых словах и подчеркивает, что Стендаль хотел изобразить тот же тип, какой и он, Бальзак, изобразил в Мишеле Кретьене, но только Стендаль далеко превзошел его величием своего героя. В нашем романе этот образ всплывает в лице старого Низрона, который был честным и беззаветным борцом революции, который не обогатился во время революции и даже стоически отказывался от всех преимуществ, которыми мог законно воспользоваться, и теперь проводит жизнь в честной и мужественно приобретенной бедности. Конечно, в то же время Бальзак изображает здесь бесперспективность якобинских традиций в капиталистически развивавшейся Франции: Низрон ненавидит богатей, и крестьяне поэтому чувствуют в нем своего, но в то же время он ненавидит и все больше разрастающийся капитализм с его безудержной жадностью, не будучи вместе с тем в состоянии найти какой-нибудь выход из представляющегося ему безнадежным положением.

Интересно наблюдать на всем протяжении романа, как глубоко и правильно видит Бальзак общественно-бытовые последствия капиталистического развития Франции, вплоть до самых тонких нюансов, и это несмотря на его политически совершенно реакционную позицию, занятую им по отношению к тенденциям этого развития. Так, он верно изображает якобинского республиканца во всех его превращениях позднейшего периода, совершенно не замечая, как это якобинство со всеми его античными идеалами связано со свободным мелким земельным участком. Маркс в экономическом анализе мелкого землевладения устанавливает, что оно образует „экономическую основу общества в лучшие времена классической древности“ и, стало быть, прообраз идеологических взглядов Руссо и якобинцев. Конечно, Маркс с ясностью совершенно иного рода видит разницу между демократией античного полиса и между якобинской мечтой о ее восстановлении, этим героическим самообманом якобинцев. И в своих исторических работах о французской революции 1848 г. и позднее в „Капитале“ он с великолепной многосторонностью подвергает анализу все причины, которые осуждают мелкое землевладение при капитализме на гнетущее рабское состояние благодаря ростовщическим процентам и налогам, вынуждающим крестьянина стать купцом и промышленником, „не обладая условиями, при которых он может производить свой продукт как товар... Недостатки капиталистического способа производства, с его зависимостью производителя от денежной цены его продукции, совпадают здесь с недостатками, вытекающими из недостаточного развития капиталистического способа производства“ („Капитал“, том III). Исходя из этого, Маркс показывает двойственность положения крестьян в революцион-

ном развитии первой половины XIX в.; он показывает, как из этого отчаяния, из неизбежных иллюзий, порождаемых им, мог возникнуть социальный базис для господства Наполеона III.

Бальзак не видит этой диалектики объективного развития экономики. В качестве легитимистского пастигириста крупного аристократического землевладения он и не может ее видеть. Но как неумолимый наблюдатель истории французского общества он видит очень многое из тех общественных движений и тенденций развития, которые влечет за собою эта экономическая диалектика мелкого землевладения. Его величие состоит именно в том, что он, невзирая на свои политические и мировоззренческие предрассудки, наблюдает неподкупными глазами все выступающие наружу противоречия и изображает их. Конечно, в этих противоречиях он видит гибель мира, закат культуры и цивилизации. Но все же он видит и изображает эти противоречия и доходит при этом до глубокого проникновения в будущее. Он изобразил экономическую трагедию мелкого земельного участка вопреки своей воле; в то же время он показывает также общественные основы, — и воплощает их в живых людях, — основы, которые с необходимостью привели к мизерности карикатурного якобинизма 1848 г. и к карикатуре на наполеоновский период, которую представила собою Вторая империя.

Иллюзия гибели мира, гибели культуры всегда является идеалистически раздутой формой, в которой тот или иной класс выражает предчувствие своей гибели. Бальзак постоянно поет элгию гибели французской аристократии. И в этом романе тоже. Эта элгическая форма определяет композицию романа. Он начинается увлекательным описанием художественной законченности замка Эг, выплывающим из-под пера

Блонде. Он оканчивается меланхолическим описанием исчезновения этой красоты благодаря дроблению имени на мелкие части. Меланхолия заключительной части романа еще глубже. Роялистский публицист Блонде, в начале романа гостящий в замке в качестве любовника графини Монкорне (происходящей, в противоположность ее мужу, из древней аристократической семьи), терпит полное крушение всех своих стремлений, гибнет материально и морально, стоит перед самоубийством, как вдруг его спасает смерть генерала Монкорне и женитьба на его вдове. Это крушение Блонде должно быть особенно выдвинуто на первый план, потому что в «Человеческой комедии» Блонде, в качестве представителя воззрений Бальзака, играет исключительно большую и положительную роль; в этой положительности его превосходит только поэтический автопортрет самого Бальзака (Данпьер Дарте). При глубоко продуманной композиции романа то обстоятельство, что он приводит этого героя к гибели, представляет собой глубокий симптом того, с какой безнадежностью смотрел он на свой собственный роялистский легитимизм. И опять-таки очень показательны для Бальзака то, с какой неумолимой правдивостью он видит и изображает не одну только эту гибель, но также и ее жалкие формы. В то время как республиканец Мишель Кретьен героически гибнет на баррикаде, Блонде спасается паразитическим существованием рантье, приукрашенным должностью местного префекта, полученной по протекции. И этот паразитизм иронически выражается в заключительных словах романа. При взгляде на мелкие земельные участки, занявшие место исчезнувшего замка, Блонде высказывает некоторые роялистские мысли о судьбах королевства, направленные против Руссо. «Ты меня любишь, ты подае меня, и настоящее кажется

дворянства в придворное, в его превращении в паразитический слой, выполняющий все менее и менее необходимые общественные задачи. Французская революция и капитализм, освобожденный ею от пут, составляют только заключительную точку этого развития. Мыслящие представители дворянства видят также, что гибель эту нельзя выдержать. Так, в конце романа „Кабинет древностей“, циничная и испорченная, но умная герцогиня Мофриньез говорит представителям стародворянских воззрений: „Что вы здесь все с ума сошли, что ли? Вам все еще хочется вести жизнь, как в XV столетии, в то время как мы живем в XIX? Нет, детки, нет больше дворянства и нет аристократии“. Бальзак прослеживает этот момент исторического единства в процессе развития капитализма, изображая все классы французского общества. Он описывает характерные отличия купца и мануфактуриста дореволюционного времени от буржуа эпохи Реставрации и Июльской монархии (типы Рагото, Биротто, Пошице, Кревеля и др.), и точно так же поступает Бальзак по отношению к остальным классам французского общества. Везде он показывает господство механики капитализма, его „духовное звериное царство“, капиталистическое „человек человеку волк“. Здесь Бальзак так же циничен, как Рикардо, но и у него „принцип заключается в вещах, а не в словах, выражающих эти вещи“ (Маркс, „Нищета философии“. Соч. М. и Э., ИМЭЛ, стр. 315).

Благодаря этому единому пониманию процесса капиталистического развития Бальзак открывает великие общественные силы исторического развития, экономическую основу этого развития. Но он никогда не делает этого прямо. Общественные силы никогда не проявляются у Бальзака в виде романтико-фантастических чуд-

вищ, сверхчеловеческих символов, как это позднее имеет место у Золя. Наоборот, Бальзак разлагает всякое общественное учреждение на сплетение борьбы личных интересов, вещественных противоречий между личностями, интриг и т. д. Никогда, например, у Бальзака судопроизводство, суд не изображается как учреждение, стоящее над обществом, независимое от него; только отдельные мелкобуржуазные фигуры у Бальзака имеют такое представление о суде. Суд, изображаемый Бальзаком, состоит всегда из отдельных судей, социальное происхождение которых и расчеты на карьере описываются самым точным образом. Всякий отдельный участник судопроизводства впутывается в реальную борьбу интересов, около которой вращается любой процесс, и всякая позиция, которую занимают участники суда, зависит от того, какое место они сами занимают в этом сплетении борьбы интересов. (Вспомним о судебных интригах в „Блеске и бедности куртизанок“ и в „Кабинете древностей“.) Только на этой основе Бальзак выявляет в художественной форме действительность великих общественных сил. Каждый отдельный участник этой борьбы интересов является, нераздельно с его чисто личными интересами, представителем определенного класса. В его чисто личных интересах — и нераздельно с ними — проявляется общественная причина, классовая основа этих интересов. Именно благодаря тому, что Бальзак разоблачает мнимую объективность общественных учреждений буржуазного мира и сводит их к личным отношениям, он умеет выразить то, что в них есть действительно объективного, действительно общественно необходимого: их функцию носителей и проводников классовых интересов. Основа Бальзаковского реализма — постоянное раскрытие общественного бытия как основы всякого

общественного сознания как раз в тех противоречиях (и посредством их), которые с необходимостью проявляются у различных классов между общественным бытием и сознанием. Поэтому Бальзак с полным правом говорит в „Крестьянах“: „Скажи мне, чем ты владеешь, и я скажу тебе, что ты думаешь“.

Этим глубоким реализмом Бальзака определяется, вплоть до самых мелких деталей, его творческий метод. Мы можем здесь только указать на немногие основные пункты. Прежде всего: Бальзак всегда выходит за пределы мелочного фотографического натурализма. В существенных вопросах он всегда глубоко прав. Это значит, что он никогда не позволяет своим героям что-нибудь сказать или подумать, ощутить или сделать, что не вытекало бы с необходимостью из их общественного бытия, что не согласовывалось бы с этим общественным бытием как в его абстрактных, так и в его специфических определениях. Но в выражении этого правильного по своему содержанию мышления или ощущения он никогда не даст ограничивать себя пределами средней способности к выражению, отличающей людей определенного класса. Он постоянно ищет и находит для общественно правильного и глубоко понятого содержания максимально ясное, максимально острое (натуралистически невозможное) выражение. По ходу нашего анализа, мы видели некоторые примеры этой манеры выражения Бальзака. Я приведу еще один отрывок из разговора крестьянина Фуриона с аббатом Бросетом, как пример этой манеры Бальзака. Аббат спрашивает Фуриона, воспитывает ли он своего внука в страхе божием. Тот отвечает: „О нет, нет, господин аббат! Я внушаю ему бояться не бога, а людей... Я говорю ему: „Мун! Бойся острога, из него ведет дорога к эшафоту! Не кради, а пусть тебе

Ба
«сам
ваду
ром
вели
непо
кру
влад
чест
кре
ху
бок
тол
и с
нла
бу

сами дают! Воровство приводит к убийству, а за убийством следит людское правосудие. Бритва правосудия — вот чего следует бояться. Учись читать! С образованием ты найдешь способы добывать деньги под охраной, так же, как честный господин Гобертен". „...Все дело в том, чтобы подмазаться к богатым: под столами у них много крошек... Вот в чем, по-моему, состоит отменное воспитание. Этот щенок всегда находится по сю сторону закона... Он будет добрым малым и станет обо мне заботиться"... Само собой разумеется, старый французский крестьянин в 1844 г. никогда бы не высказался в такой форме. Но тем не менее, эта фигура и все, что Бальзак заставляет ее высказывать, отличается величайшей жизненной правдивостью и отличается к тому же именно благодаря этому выходу за пределы повседневной жизненной правды. Ведь Бальзак только поднимает на огромную высоту ясного выражения все то, что крестьянин того особого типа, к которому принадлежит Фуршон, смутно ощущает по поводу своего общественного бытия, но не умеет ясно выразить. Бальзак снабжает немного и без слов борющегося ясными выражениями; он выполняет поэтическую миссию в смысле Гете: „Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt, gab mir ein Gott zu sagen, was ich leide". Но он выражает в словах только то, что действительно стремится быть выраженным в форме, необходимой одновременно и в общественном, и в индивидуальном отношении. Это выражение, постоянно выходящее за границы повседневности, но в то же время, в отношении своего общественного содержания, выражение постоянно правдивое, является специфическим свойством старого великого реализма, реализма Дидро или Бальзака, в противоположность их последователям.

Реализм Бальзака покоится на одинаково сильной разработке как специфически индивидуальных, так и типических в классовой отношении черт каждой отдельной фигуры. Но, сверх того, Бальзак постоянно с величайшим ударением подчеркивает то капиталистически-общее, что выражается в различных людях буржуазного общества.

По ходу нашего анализа мы видели уже, как Бальзак выделяет то общее, что только количественно отстоит у Монторне и Гобертена, причем оба момента одинаково важны; благодаря общему, они оба проявляются как продукты послетерзидориванского французского капитализма, а через количественно различное выделяется то, что их отличает качественно, а именно, что, при всей этой общности, один из них — знаменитый императорский генерал, граф и крупный помещик, в то время как другой — маленький, хотя и лезущий в гору провинциальный делец.

Бальзак был крупным мастером художественной абстракции. Современные буржуазные реалисты, которым не удалось эта глубина понимания общественных отношений и тем самым глубина действительной способности к абстракции, — вследствие процесса идеологического упадка буржуазии, — тщетно хотят достигнуть конкретности целого и его действительных, объективно-реальных определений с помощью конкретизированных деталей.

Именно эта особенность бальзаковского реализма, его глубочайшая обоснованность в правильно понятом общественном бытии делают Бальзака также непревзойденным мастером изображения великих духовных течений, которые образуют идеальную личность. Бальзак изображает эти духовные силы чужим способом, что исходит из их индивидуальных корней, благодаря чему,

Ба
сам
ваду
ром
вели
под
кру
пла
чест
кре
ху
бок
тол
и р
ня
бу

что он заставляет их действовать идеологически в том же самом направлении, в каком они развиваются в обществе. При такой манере изображения идеология теряет свою мнимую независимость от материального жизненного процесса общества и появляется как часть, как элемент самого этого жизненного процесса. Бальзак упоминает, например, в деловом разговоре со старым провинциальным ростовщиком и спекулянтом Гранде имя Бентама и его теорию ростовщичества. Жажда и жадность, с какой старый ростовщик Гранде проглатывает, как хорошее вино, то, что ему подходит из этой идеологии, та польза, которую он извлекает из этого усвоения до тех пор неизвестного ему идеологического выражения его общественного положения, одним ударом оживляет теорию Бентама уже не как теорию, а как идеологическую составную часть капиталистического развития к началу XIX в.

Конечно, это идеологическое действие не всегда адекватно. Но именно в иронической неадекватности действия часто очень ясно отражается судьба, достоящаяся в удел какой-нибудь идеологии в процессе классового развития. Так, в нашем романе Бальзак называет деревенского кулака-ростовщика Ригу „телемитом“, т. е. приверженцем (бессознательным, разумеется) буржуазной утопии великого писателя эпохи Возрождения Рабле, утопии о монастыре „Телем“, надпись над которым и высшая заповедь гласила: „Делай, что хочешь“. С одной стороны, глубокий упадок буржуазной идеологии не мог быть иллюстрирован разительнее, чем тем фактом, что блистающий революционный лозунг освобождения человечества против ига феодализма мог стать жизненным девизом сельского ростовщика. С другой стороны, именно в ироническом подчеркивании этого упадка и этого вырождения находит

себе выражение общее в процессе развития буржуазии: Ригу, действительно, — продукт той борьбы за освобождение от феодализма, накануне которой великие писатели и мыслители Возрождения, подготавливая идеологически это развитие, ведя идеологическую борьбу за него, создали свои бессмертные творения. Ирония в этом сравнении кроется как раз в двусторонности отношения: само собой разумеется, мечта Рабле об освобождении человечества не исчерпывается Ригу, но столь же само собой разумеется и то, что Ригу представляет собой необходимый элемент реального и непосредственного капиталистического осуществления этой мечты об освобождении человечества.

Эти формы характеристики служат Бальзаку для того, чтобы индивидуально и общественно специфицировать, конкретизировать и углубить градации внутри общественного типа. В лице Ригу, например, Бальзак создает новый чрезвычайно интересный экземпляр для большой галлерей его скряг и ростовщиков, для галлерей Гобсексов, Гранде, Руже („Дом холостяка“) и т. д., — тип скряги и ростовщика-эпикурейца, который, так же, как и другие, думает только о сбережениях, надувательствах и накоплении богатств, но в то же время создает для себя необыкновенно приятную жизнь. Он использует, например, возраст своей жены, на которой женился из-за ее денег, и ее шеплаотаторское влияние на деревенское население, чтобы неизменно содержать без вознаграждения красивую и молодую метрессу. Он постоянно подыскивает себе в служанки самую красивую деревенскую девушку и живет с ней, обещая жениться после предстоящей скорой смерти жены.

Эта разработка важнейших сторон жизненного процесса общества в его историческом развитии, изобра-

жение их специфических проявлений у различных индивидуумов представляют собою основной закон формы у Бальзака. Поэтому он может в каком-нибудь эпизоде общественного процесса показать конкретно великие силы, управляющие общественным развитием. В этом романе он изображает борьбу за раздробление большого поместья на мелкие участки. И при этом не выходит за узкие пределы имения и соседних с ним провинциальных городков. Но поскольку он показывает в этой борьбе людей и групп за раздробление существенные моменты капиталистического развития деревни, постольку он в этих тесных рамках изображает процесс возникновения французского капитализма в после-революционный период, упадок дворянства и, прежде всего, трагедию крестьянства, освобожденного революцией и снова закрепощенного, трагедию мелкого земельного участка. Он не видит перспективы этого развития, и мы показали, почему он и не мог ее видеть. Изображение революционного пролетариата лежит совершенно вне изобразительных способностей Бальзака. Поэтому он может изображать только отчаяние крестьян, а не единственно возможный выход из этого отчаяния. Он не может видеть перспективу разочарования крестьян в мелком землевладении, с которым (разочарованием) „рухнет и все построенное на крестьянском землевладении государственное здание, и пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь“ (Маркс „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“). Гений Бальзака проявляется в том, что он с реалистической необходимостью изображает отчаяние, которое должно было к этому привести.

Георг Лукач